

УДК 81'367.5

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ «ЧТО ЗВУЧИТ»

© 2014 г.

В.И. Казарина, А.Р. Аль-Хаснави

Елецкий госуниверситет им. И.А. Бунина

kazarina39@mail.ru

Поступила в редакцию 07.06.2013

Описана специфика речевой реализации структурной схемы простого предложения «что звучит», представленная грамматической и структурно-семантической модификациями. Выявлена способность пропозиции «нечто издает звук» обогащаться дополнительными смыслами, маркирующими сопутствующие ситуации звучания обстоятельства.

Ключевые слова: детерминант, модификация, позиционная схема, пропозиция, речевая реализация, структурная схема.

К структурной схеме простого предложения мы подходим как к языковому знаку типовой пропозиции, способной выразить разнообразные предикативные отношения, устанавливаемые между субъектом и предикатом [1, с. 255; 2, с. 22–24].

Структурная схема «что звучит» – знак типовой пропозиции «нечто издает звук» – представлена субъективом и предикативом. Субъектив – маркер субъекта, издающего звук, предикатив – маркер создаваемого звука.

Позицию структурообразующего компонента, предикатива, представляют глаголы звучания типа: *бренчать, брякать, булькать, бурлить, бушевать, греметь, громыхать, грохотать, грохотать, гудеть* и мн. др.¹. Примеры из романа К. Симонова «Солдатами не рождаются»: *Еще подходя к огневым позициям артиллеристов, они услышали, как недалеко урчит полуторка; Того глухого, глубокого содрогания земли, которое вызывают близкие удары больших калибров, не было, но кругом все гремело и стучало...; В телефоне что-то звякнуло и разъединилось; Утром и вечером в госпитальном коридоре хрипит и трещит черная тарелка громкоговорителя, и все, кто способен передвигаться, сходятся и сползают к ней.*

Позиция издающего звук субъекта представлена различными лексико-семантическими классами имен неживых предметов, оказавшихся источником звука в результате внешнего воздействия на них или производимой работы. В этой позиции номинанты транспортных средств и их частей (*арба, буфер, вагон, винт, жерло* и под.), музыкальных инструментов (*барабан, бубен, гитара* и др.), построек и их деталей (*балюсыны, дверь, ворота, каменка* и др.), различных приборов для измерения времени и

их частей (*часы, куранты, маятник*), участков земного рельефа (*море, озеро, степь*) и мн. др. Примеры из того же источника: *Стояла тишина, еле слышно шуришала поземка; Автомат был исправный, монета звякнула и полетела вниз, а в прижатой к уху ледяной трубке раздался низкий, усталый, а может быть, просто сонный голос Нади: – Я слушаю; На столе трещал телефон.*

Лексическое наполнение структурных схем определяет их способность «приспосабливаться» к условиям речевой реализации, формировать пропозицию высказывания и его позиционную схему и тем самым способствовать «осмыслению системного устройства синтаксиса» [3, с. 28].

В задачу данной статьи входит выявление специфики речевой реализации схемы «что звучит» и компонентного состава высказываний, формируемых этой схемой. Значимость этой задачи определяется тем, что для сохранения живого контакта предложения с действительностью оно «должно быть предельно гибким и обладать способностью варьироваться по целому ряду параметров». Указывая на значимость данного аспекта синтаксического исследования, А.М. Ломов отмечает: «Синтаксическая типология, естественно, не может не считаться с этим их кардинальным свойством и лежащими в его основании закономерностями: иначе она утратила бы ориентиры, с опорой на которые самые разнообразные речевые структуры квалифицируются как относящиеся к строго определенному классификационному разряду» [4, с. 51]. Когда речь идет о способности предложения, его структурной схемы, «варьироваться» в меняющихся условиях речевой реализации, следует помнить о том, что компонентный состав схемы – это ее конститутивный признак, видоизменения схемы не должны приводить к

нарушению этого единства, маркирующего определенные предикативные отношения, пропозицию, как означаемое структурной схемы.

Изменения, которым подвергается структурная схема, имеют различный статус. Прежде всего, это изменения, связанные с предикативной осью предложения, определяемые ее грамматическими показателями, не влияющие на означаемое схемы, а лишь поворачивающие «предикативную ось» предложения [5, с. 205]. Другую группу образуют видоизменения, приводящие к регулярным смысловым преобразованиям означаемого структурной схемы за счет вводимого в его состав нового семантического компонента, или, напротив, эллипсиса одного из ее компонентов. За изменениями в организации структурной схемы закреплён термин «модификации». Изменения первого типа названы грамматическими модификациями, второго – структурно-семантическими. Структурная схема в ее исходной форме называется инвариантом. Все происходящие в речи изменения схемы приводят к образованию ее вариантов. Совокупность инварианта и вариантов формирует синтаксическое поле предложения, построенное по этой схеме (5, с. 201).

Переходим к рассмотрению возможных и продуктивных модификаций схемы «что звучит».

Грамматическую парадигму предложения формируют грамматические (синтаксические) категории лица, времени и модальности. Модификация по синтаксической категории лица для нашей схемы не значима: субъект, издающий звук, – неживой предмет

Грамматическая категория времени представлена тремя формами глагольного предикатива, составляющими временной аспект предложения: настоящее, прошедшее и будущее. Дифференциация этих форм основана на соотношении представленного предложением события с моментом речи, определяющим настоящее время. Исходная форма, инвариант структурной схемы «что звучит», представлена настоящим временем предикатива. Продуктивность ее речевой реализации невысокая. От общего числа высказываний нашей картотеки, формируемых данной схемой (более 900 примеров), инвариант представлен ~ 15,7%. При этом форма настоящего времени в одних случаях маркирует издаваемое неживым предметом звучание как непосредственно соотносимое с моментом речи, время актуальное, конкретное или абсолютное [4, с. 56–57]; в других – такая соотносённость места не имеет, синтаксическое время характеризуем как неконкретное, абстрактное. Так, полное совпадение синтаксического времени, момента речи и онтологического времени си-

туации звучания представлены в высказываниях: «*Да спи ты, спи!*» – *уговаривает себя Лариса. А поезд стучит, гремит, гудит, мчит вдаль и спокойно спящих и тоскующих* (Коптяева. Дерзание); *Хлопают двери в прихожей, и кто-то топает в пол валенками* (Бунин. Мелитон); *Слышу, журчат ручьи, лес звенит от криков дроздов, синиц, а солнце так и светлит голубизну Тагилки-реки. Весна будто: березки так и шумят, белоствольные невестушки!* (Федоров. Каменный пояс). Время конкретное. Таковым нельзя признать синтаксическое, текстовое время, когда момент речи не синхронен онтологическому времени ситуации, не наблюдаемой в процессе речи, но маркируемой как таковая высказыванием. Например, в высказывании *Что-то он думает? может быть, про то, как где-то там, по смутно белеющей дороге, тихо поскрипывает обоз? э, да что про то и думать!* (Бунин. На край света) – момент речи не соотносится с внеязыковой ситуацией поскрипывания обоза, она имеет место только в воображении, предполагается таковой в силу ее узуальности. Аналогично: *Иногда казалось, что он на постоялом дворе в Данкове, что ночной дождь шумит по навесу ворот и поминутно дергается, звонит колоколец над ними...* (Бунин. Деревня); – *В ордынской стороне слышен стук велик, и клич, и вопль, будто торги там снимаются, будто гром великий гремит, а назади их грозно волцы воют, по правой их стороне вороны кличут, а по левой будто горы шатаются – вельми гроза велика* (Лебедев. Искупление); *Вот он край – сторонушка! ... Вся гора живет, полна гомона, от темна до темна тут кипит жизнь. Поблизости окутана дымом домна. От завода гул плывет, железо грохочет, лязг, а под плотиной вода ревет. Все кругом полно кипучей неизбывной жизнью* (Федоров. Каменный пояс), «обычная жизнь завода».

Временная модификация, представленная формой прошедшего времени, более частотна (84,2%). Она материализует, как правило, актуальное время, предшествующее моменту речи, синхронное внеязыковому времени ситуации, ее локализованности во времени: *Она ушла, а Алеша остался среди оживленного людского муравейника. Звенели на перроне звонки. Гудели паровозы* (Коптяева. Дерзание); *Свистнул аркан, и петля его шаркнула по спине, не накрыв головы, на миг пахнуло дегтярным духом веревки* (Лебедев. Искупление); *Дохнуло белым облачком пара, и вдруг засвистел гудок, воя и переливаясь всеми оттенками своего сильного, невучего голоса* (Федоров. Каменный пояс).

Нелокализованная во времени ситуация также может быть представлена прошедшим вре-

менем, имеющем место при описании различных трудовых процессов, ситуаций как результата отраженного в сознании предшествующего опыта, их итеративности: Ср.: *Зато в корпусах фабрик и заводов столицы непрестанно стучали, шумели, шелестели тысячи станков* (Коптяева. Дерзание) — — *Помню, как мягко и беззаботно шумел летний ветер в шелковистой листве березы, пугая эту листву и склоняя до самых колосьев тонкие, гибкие ветви...* (Бунин. Эпитафия); *Казалось, вся роща ахнула от этого львиного крика, и гулкие отзвуки побежали между деревьями* (Куприн. Поединок) — *Зимой по санной дороге скрипели обозы* (Федоров. Каменный пояс).

Формы будущего времени в речевой реализации структурной схемы «что звучит» (0,6%) маркируют только неконкретное время, ситуацию, несоотносимую с определенной точкой на временной оси. Это будущее обычной, неоднократно имеющей место быть ситуации: *Иногда цокнет копы о чей-то меч или щит, и снова тихий шелест, да где-то в отдалении, у самого Дона, нет-нет и проржет конь из отогнанных туда семнадцати табунов их засадного полка* (Лебедев. Искупление);

результат представления ситуации в сознании: *И начинало мне представляться, что годы и десятки лет будет тянуться этот ненастный вечер, будет тянуться вплоть до моей смерти, и так же будет реветь за окнами ветер, так же тускло будет гореть лампа под убогим зеленым абажуром ...* (Куприн. Олеся);

следствие мыслительной деятельности, его способности к обобщению, метафоризации: *Верно Дуняша молвила: займется грозная туча да ударит гром, и омоет ливень всю землю, снесет всю нечисть и пакость, коростой покрывшие наше тело! Встанет народ!* (Федоров. Каменный пояс);

функционирующее «в плане настоящего исторического при обозначении единичного действия, отличающегося особой интенсивностью» [6, с. 163], создающей эмоциональную окрашенность высказывания в сочетании с частицей как: *Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит «Убирайтесь скорее отсюда к черту!* (Куприн. Чудесный доктор);

соотносимое с прошлым, имеющим место до момента речи: *Вероятно, скрипнуло дерево, Вот еще, еще и еще. ... Да, это, конечно, дерево, или старое, или надломленное бурей: скрипнет раз-другой, затем передохнет, справляясь со своей немощью, — и опять летит над тихим лесом старческий, жалобный скрип,*

будто кто-то одинокий стонет над одинокой могилой (Бубеннов. Белая берега).

Конституирующим признаком парадигматической оси предложения является модальность, названная Ш. Балли «душой предложения» [7, с. 44]. На значимости модальности в формировании предложения акцентирует внимание З.Д. Попова, утверждая, что «предикативность может быть сведена к модальности. Без модальности нет предикативного отношения, которое модально по своей природе» [8, с. 146].

Модальность — сложное и многоплановое понятие. Как грамматическая (парадигматическая) категория предложения она определяет характер отношения сообщения, содержащегося в высказывании, к внеязыковой действительности: содержание «мыслится говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т.п.» [9, с. 80], т.е. ирреальное. Эту модальность называют по-разному: объективной (Н.Ю. Шведова), внутренней (В.Б. Касевич), основной или предикативной (Г.А. Золотова).

Маркерами грамматической модальности высказывания является прежде всего категория наклонения, что позволило Г.А. Золотовой назвать её морфолого-синтаксической [5, с. 143]. Формы индикатива — показатель соотносительности содержащегося в высказывании сообщения с внеязыковым фрагментом мира. Маркированию ирреальности (желательности, возможности и под.) информативного компонента высказывания служат формы непрямого наклонения: «Сродство между наклонениями условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т.е. представляемое существующим только в мысли говорящего» [10, с. 221].

Модальная модификация структурной схемы «что звучит» специфична и непродуктивна. В нашем материале она представлена только грамматической (парадигматической) модификацией со значением предположительности в позиции относительного временного плана (0,3%): *Если бы на крыше лист жести загремел под ногой или я оборвался бы со стены, тогда, наверное, пуля часового уложила бы меня на месте, — или меня прикончили бы озверевшие тюремщики ...* (Короленко. История моего современника).

Лексическое наполнение субъектива схемы «что звучит» (номинанты неживых предметов окружающего мира) исключает возможность её конструктивно-синтаксической модификации

[5, с. 145], являющейся следствием модальной оценки предиката со стороны субъекта.

Другие разновидности структурно-семантической модификации схемы также не характеризуются высокой продуктивностью (~0.5%). Любое звучание обладает фазовостью: возникает во времени, какое-то время длится и прекращается. Это обуславливает включение в позиционную схему фазовых маркеров, которые, не изменяя компонентного состава схемы, «усложняют предикативную ось, прибавляя к ней некоторый семантический *x*, равный семантическому значению» [5, с. 152] фазовой лексемы. В нашем материале это лексемы с семей

‘начало’: *начать, стать*: *В трубе **начинает завывать** на разные голоса ветер* (Бунин. В поле); *Когда картошки в чугунике **стали сипеть и бурлить**, он потыкал в них щепочкой и снял чугуничек с огня* (Бунин. Мелитон);

‘продолжение’: *продолжать*: *Потом мы распрощались, как добрые знакомые, и я вышел ободренный, хотя московские колокола **продолжали вызванивать** свою тягучую, неизбывную печаль* (Короленко. История моего современника);

‘прекращение’: *кончатся, прекратиться, перестать*: *Кругом простиралась успокаивающая тишина: улеглась пурга, **перестал шуметь бор**, и только одинокая каркающая ворона перелетала с лесины на лесину, поднимая нежную себреистую пыль* (Федоров. Каменный пояс).

Отрицательная и неполная модификации не специфичны для схемы «что звучит».

Отрицательная модификация (~1.6%), характеризующаяся введением в позиционную схему отрицательной частицы *не* в положение перед предикативом, частично изменяет характер предикативного отношения, обогащая пропозицию семей ‘отсутствие’ звучания: субъект не производит звук: ***Не гремели трубы** и не призывались сословия* (Симашко. Маздак). В положении после временного союза *до тех пор пока* (в придаточной времени) частица *не* вносит в пропозициональное содержание высказывания сему ‘отсутствие’. Ср.: *Братья по ней исчезают в пшенице, а за ними босой Курымушка идёт крадучись, а пшеница ему – как лес, конца этому лесу, кажется, нет, и только небо одно голубое, и тихо, даже **не шепчутся колосья** между собой* (Пришвин. Кашеева цепь) — *Ромашов стоял и слушал **до тех пор, пока не скринула** калитка и не замолкли тихие шаги Шурочки* (Куприн. Поединок). За предложениями с отрицательной частицей *не* в положении перед предикативом (сказуемым) закреплен термин «общеотрицательные», хотя, безусловно, отрицания предиката они не представляют: наличие субъекта предопределяет наличие предиката.

Позиция отрицательной частицы перед словоформой со значением субъекта является показателем того, что звук производится другим субъектом, который может быть как эсплицированным в последующем тексте, так и имплицитным. В отличие от предложений первого типа такие предложения называются частноотрицательными: *Чудилось, **не буря гремит, не горные падуны режут в теснинах, – рокошет, плещется и содрогает седой Урал-Камень великий народный гнев*** (Федоров. Каменный пояс).

Для структурной схемы «что звучит» характерна полная объективация её компонентов. Случаи неполной модификации с эллипсисом субъектива единичны (0.1%): *Вот **оно*** (вино)! *Темно-коричневое, пахучее и пенящееся, с легким запахом жженой корки и ячменя, оно золотилось мелкой осыпью хмеля, а если продуть пену – во всю глубину яндовы играло и **шипело*** (Лебедев. Искупление).

Ситуации окружающего мира не изолированы друг от друга, они сосуществуют и определенным образом взаимодействуют, что не может не отразиться в языке. Любая ситуация имеет место в определенное время и определенном пространстве, маркируемые специфическими лексическими и синтаксическими средствами, формирующими полипредикативность конструкции.

Звук – это физическое явление, возникающее в результате колебательного движения частиц определенной среды и воспринимаемое ухом. Возникнув, оно длится в течение определенного времени. Объективация времени звучания способствует формированию темпоральной конструкции различной морфологической и синтаксической природы и смысловых оттенков, актуализирующей, соотносящей высказывание с референтом. Темпоральный конкретизатор (в нашем материале 7.6% таких примеров) маркирует время, как правило, синхронное онтологическому времени состояния, выполняя функцию дополнительного темпорального конкретизатора, но грамматическим значением времени не обладает и на него не влияет. Функцию темпорального конкретизатора видим также в маркировании различной степени «отдаленности времени» звучания от момента речи [11, с. 19], синхронности/асинхронности онтологического времени звучания и времени предикатива, локализованности/нелокализованности звучания во времени относительно момента речи, указания на направленность к ситуации звучания.

Лексема *тут, сейчас, теперь*, словосочетания, включающие указующую лексему *этот* со значением близости во времени типа *в этот миг, на этот раз, в это время, в ту же минуту*, а также многочисленные словосочетания и

предложно-падежные формы с временным значением, считаем, маркируют время, частично совпадающее с онтологическим временем или синхронное ему, но не совпадающее с текстовым, представленным формой прошедшего времени. Ср.: ...он приостановился было, оглядывая место, но **тут** `в это время` **просвистела** стрела – страшно, у самой головы и с таким пронзительным свистом, что Елизар бросился бежать вдоль улочки (Лебедев. Искупление); **И в этот миг затрещали** доски, что-то заухало, и большое прясло свежего теса под тяжестью многих тел упало на землю (Федоров. Каменный пояс); **Заиграла музыка, и при появлении** `в это время` у заставы кареты Потемкина **грянули пушки** (Федоров. Каменный пояс) — **И на этот раз** `в данное время, сейчас` на нем **позванивали** кандалы, но он пользовался в тюрьме привилегированным положением, и мои собеседники нимало не сомневались, что и теперь он выйдет сух из воды (Короленко. История моего современника).

При неполном совпадении времён ситуация звучания следует непосредственно за временем, представленным лексическим конкретизатором. Особенно отчетлива сема 'следование' в высказываниях типа *Однако **вслед за сим звякнули** засовы, дверь полуоткрылась и в щель высунулось худенькое морщинистое лицо старичка немца в ночном колпаке* (Федоров. Каменный пояс).

Наречие *тогда*, сочетания, включающие указующую лексему *тот* `отдаленный во времени` типа *в тот момент* и сочетания, синонимичные ему, указывают на определенную или неопределенную отдаленность времени от момента речи. В высказываниях такого типа наблюдается синхрония темпорального и актуального синтаксического времён, не соотносимых с моментом речи как точкой отсчета синтаксического времени: *Вот он, пень. **При Иване Калите тут шумел дремучий дуб, ровесник Мономаха*** (Лебедев. Искупление); ***В тот летний вечер**, когда телега, присланная с барского двора, **заскрипела** возле хуторской хаты и **Наташка** выскочила на порог, Евсей Бодуля удивленно воскликнул: – Ужли это ты, **Наташка?*** (Бунин. Суходол); ***В полдень в Католии прозвучал колокол*** (Федоров. Каменный пояс).

Семантика темпорального компонента не соответствует синтаксическому времени, если последнее представлено формой настоящего времени, за которой закреплен термин «настоящее историческое», при употреблении которого говорящий «переносит прошлое в настоящее», представляя его как бы совершающимся перед его глазами [ср.: 6, с. 142–143]: ***И тотчас же на всю платформу звонит*** `заво-

нил` *гулкий вокзальный колокол, раздаются гремучие свистки оберкондуктора, мощные взрывания паровоза и мы плавно трогаемся* (Бунин. Мелитон). То же несоответствие грамматического времени и времени темпоральной лексемы видим в высказывании: *Под Златоустом прошли проливные осенние дожди, и **теперь*** `в настоящее время, сейчас` [12, с. 794] *в горах **бушевали** речонки и падуны* (Федоров. Каменный пояс).

В лексическом значении конкретизаторов типа *долго, все ещё, до рассвета, всю ночь и под.*, наряду с синхронностью лексического значения конкретизатора и текстового времени, темпоральный конкретизатор обогащает пропозицию высказывания семой 'долгота, длительность': *Даже когда сотня русских отскакала далеко, стрелы **все еще шоркали** во тьме жарко и жадно, – ордынцы били для острастки* (Лебедев. Искупление); ***Всю** долгую **ночь бушевала** в темных полях **вьюга!*** (Бунин. В поле).

При наличии в высказывании темпоральных конкретизаторов с семой 'итеративность' маркируемое глаголом время неконкретное, абстрактное: ***По ночам, особенно в грозу, когда бушевал под дождем сад, поминутно озарялись в зале** лики образов, раскрывалось, распахивалось над садом дрожащее розово-золотое небо, а потом, в темноте, с треском раскалывались громовые удары, – по ночам в доме было страшно* (Бунин. Суходол); ***С каждым днем всё больше свирепела и гудела** пурга, мела перекатами по борам и ельникам, и тогда чудилось, будто над шиханами не метель метет...* (Федоров. Каменный пояс); ***Иногда во время работы, когда в редакции почему-либо затихал гул голосов и мимо окон не гремели по мостовой подводы, слышно было, как доносится с фронта артиллерийская стрельба*** (Либединский. Воспитание души). От конструкций с семой итеративности следует отличать высказывания, информирующие о повторяющихся ситуациях, маркером которых являются лексемы *снова, опять*: *Емельян Иванович махнул рукой. **Снова заиграли** рожки, **забили** в бубны, **взвилась** песня* (Федоров. Каменный пояс). Предикативная лексема маркирует конкретное время, соотносимое с онтологическим временем ситуации, но не синхронное моменту речи.

В позиционных схемах в качестве актуализирующих выступают и локативные конструкции (19.5%) различной морфологической природы. Как правило, это предложно-падежные формы наименований предметных имен, обладающих пространственным измерением: ***В кухне скрипнула половица*** (Бубеннов. Белая берега); ***За стеной свистел ветер, и его разбойни-***

чий посвист еще усиливал шум разгулявшейся бури (Коптяева. Дерзание); **В избе** стукнула дверь: мать, шуриша, протаскивала из сенец охапку соломы (Бунин. Танька); **В углу** потрепывала и медленно оплывала в предсмертном пламени уже не нужная свеча: солнце ударило по оконцам терема (Лебедев. Искупление); Он подходил к конюшне, на ходу снимая мятель конюха, когда грянул **над Кремлем** тяжкий колокол и разбудил все живое, что еще не успело проснуться (Лебедев. Искупление). Пространство может быть представлено соотносительными наречиями с указательной и конкретной семантикой: **Позади** шоркнул полог ставки и послышался вскрик, короткий, как при уколе, но воя не было (Лебедев. Искупление); **Там** желтые метелки камышей шуришат, там снежок белеет под кочками (Коптяева. Дерзание); Он медленно, сам замечая, что не идет, а крадется, неслышно спустился на двор, держась не перил, а стены терема – **там** не скрипели ступени (Лебедев. Искупление); **Где-то** тонкоголосо звенел ручей, и ветер проносил из леса смолистые бодрящие запахи (Федоров. Каменный пояс). В высказываниях, представляющих звуки, издаваемые летящими предметами, в качестве ориентира выступают объекты, не обладающие пространственным измерением: «Жив еще... – мелькнуло в сознании Дмитрия, но он тотчас пригнулся в седле: несколько стрел жарко шоркнули **у самой головы**. – Вот и подумись...» (Лебедев. Искупление); Вслед неслась уже непристойная ругань и **несколько стрел жарко прошипели с левого и правого бока** (Лебедев. Искупление).

Малочисленны высказывания (0.4%), пропозиции которых обогащены смыслом `причина`: *Задралось там железо, гремит **от ветра**, внимание на посту отвлекает* (Коптяева. Дерзание); *У лошадиных копыт слышалось вдруг утробное похрюкивание, и долго еще трещали сучья **от убегающих кабанов*** (Симашко. Маздак); *Днем высокие лиловые кусты ее звенели и колебались **от хлопотливых пчел*** (Федоров. Каменный пояс).

При формировании генеритивного регистра возможно введение условной конструкции. В нашем материале пример единичен: *Недаром сказано: **при хозяине** и колесо тележное тише скрипит* (Лебедев. Искупление).

Наблюдения над речевой реализацией структурной схемы простого предложения «что звучит» выявило

1) способность форм настоящего и прошедшего времени предикатива объективировать как актуальное, так и абстрактное значения; тогда как будущее время зафиксировано только с абстрактной семантикой;

2) продуктивность функционирования синтаксической формы прошедшего времени и непродуктивность будущего времени;

3) непродуктивность предикативной (грамматической) модификации, представленной согласительным наклонением предикатива, и логически обоснованная невозможность побудительной модификации;

4) непродуктивность структурно-семантической модификации, представленной фазовой и отрицательной разновидностями и, в единичных случаях, эллипсисом субъекта;

5) логически обоснованную непредставленность конструктивно-синтаксической модальной модификации;

6) обогащение пропозиции «нечто издает звук» локативными и темпоральными смыслами, как правило, актуализирующими информативный компонент высказывания, продуктивно, тогда как смыслом `причина` – непродуктивно, а смыслом `условие` ограничено генеритивным регистром.

Примечание

Многие из выделенных нами структурообразующих глаголов с семой звучания в описываемой структурной схеме функционируют в переносном значении, являющемся следствием метафоризации. Рассмотрение этого аспекта анализа языкового материала в задаче данной статьи не входит.

Список литературы

1. Попова З.Д. Минимальные и расширенные ССПП как однопорядковые знаки пропозитивных концептов // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001. С. 219–226.
2. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Монография. Елец: ЕГУ, 2002. 225 с.
3. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009. 209 с.
4. Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж: ВГУ, 1994. 278 с.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 350 с.
6. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УРСС, 2001. 416 с.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Воронеж: ВГУ, 2004. 208 с.
9. Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 1. М.: АН СССР, 1954. 703 с.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. М.: Просвещение, 1977. 406 с.

11. Бондарко А.В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Мода-льность. Л., 1990. С. 5–58.

12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е. М.: ИТИ технология, 2009. 941 с.

SPEECH REALIZATION OF THE STRUCTURAL SCHEME OF THE SIMPLE SENTENCE «SOMETHING SOUNDS»

V. I. Kazarina, A.R. Al-Hasnawi

The authors describe the specific character of speech realizations of the structural scheme of the simple sentence «something sounds», which is represented by grammatical and structural-semantic modifications. We reveal the ability of the proposition «something makes a sound» to be enriched by additional meanings, which mark the adverbs that attend the situation of sounding.

Keywords: determinant, modification, positional scheme, proposition, speech realization, structural scheme.

References

1. Popova Z.D. Minimal'nye i rasshirennye SSPP kak odnoporyadkovye znaki propozitivnyh konceptov // Tradicionnoe i novoe v russkoj grammatike: Sb. st. pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoj. M., 2001. S. 219–226.
2. Kazarina V.I. Sintaksicheskij koncept «sostoyanie» v sovremennom russkom yazyke (k voprosu o ego formirovanii): Monografiya. Elec: EGU, 2002. 225 s.
3. Popova Z.D. Sintaksicheskaya sistema russkogo yazyka v svete teorii sintaksicheskikh konceptov. Voronezh: Istoki, 2009. 209 s.
4. Lomov A.M. Tipologiya russkogo predlozheniya. Voronezh: VGU, 1994. 278 s.
5. Zolotova G.A. Oчерк funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. M.: Nauka, 1973. 350 s.
6. Bondarko A.V. Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie). M.: Prosveshchenie, 1971. 239 s.
7. Balli SH. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka. M.: URSS, 2001. 416 s.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. Obshchee yazykoznanie. Voronezh: VGU, 2004. 208 s.
9. Grammatika russkogo yazyka. T. II. Ch. 1. M.: AN SSSR, 1954. 703 s.
10. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike. T. IV. Vyp. II. Glagol. M.: Prosveshchenie, 1977. 406 s.
11. Bondarko A.V. Temporal'nost' // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L., 1990. S. 5–58.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Izd. 4-e. M.: ITI tekhnologiya, 2009. 941 s.